

821.162.1 (092 В. Мысливский)

**ВОЙНА И ПРОБЛЕМА ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ И МИРА
В РОМАНЕ ВЕСЛАВА МЫСЛИВСКОГО «ТРАКТАТ О ЛУЩЕНИИ ФАСОЛИ»****Е.В. ГУК***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*

Рассмотрена проблема деформации личности и мира в романе В. Мысливского «Трактат о лущении фасоли». Военная проблематика является одной из основных во всём творчестве писателя. Углубленному анализу подвергается аспект необычного отображения автором военной реальности и последствий послевоенного времени. Особенностью творчества В. Мысливского является то, что писатель не отображает непосредственно исторические события. Преломляя мир в личных переживаниях героев, автор не только не теряет эпической широты показа действительности, а обогащает её в значительной мере. Представлен всесторонний анализ военной проблематики в неизвестном белорусскому читателю романе В. Мысливского «Трактат о лущении фасоли» – произведении, являющемся уникальным не только для польской, но и мировой литературы.

Введение. Веслав Мысливский – польский прозаик, драматург, эссеист, автор ряда теоретических работ – является представителем крестьянского направления в современной польской литературе. Однако всё творчество писателя, которого польский критик Януш Рудницкий правомерно назвал «одиноким белым парусом в море польской прозы» [9, с. 91], выходит далеко за узкие рамки этого течения, расцвет которой имел место в 60-е года XX века. С конца 60-х вплоть до 70-х годов литературу о деревне критики называют литературой «триумфальной крестьянственности», так как в ней в большей мере различимо преодоление крестьянской обособленности и различных комплексов [3, с. 153]. Как утверждает С.Ф. Мусиенко, «сложность натуры крестьянина, трудность его “врастания” в новое окружение, особенности психики и стремление найти место в современной жизни – все эти проблемы стали объектом изучения многих польских прозаиков и постоянной темой их творчества. Каждый писатель стремился внести в литературу свои наблюдения, своё толкование в трактовку загадки “крестьянской души”» [1, с. 67]. Несмотря на то, что в 80-е годы произошло угасание интереса к крестьянской проблематике, а проза этого направления передвинулась на периферию, Мысливский продолжает быть одним из самых ярких и самобытных представителей этого художественного феномена. Как отмечает в эссе «Конец крестьянской культуры» сам автор, «это культура согласия с судьбой, принимающая жизнь такой, какой она выпала на долю человека, культура, которая отвечает на вопрос “как жить”, когда жить в большинстве случаев не получается, как найти смысл своего существования в хаосе, как проживать своё время со смирением. В ней было своё представление о зле и добре, наказании и награде, своё представление о Вечности и Боге» [6, с. 57].

В произведениях писателя новаторство переплетается с традициями, а их герои интегрируют в себе вековые традиции крестьянской культуры с пришедшей в сельскую жизнь «книжной» мудростью. Опираясь на фундамент крестьянской культуры, Мысливский использует философско-аллегорический аспект, ставя в центре внимания человеческую экзистенцию, решает как национальные проблемы, так и вопросы общечеловеческой значимости, строя надвременные модели. Трагедия войны, отразившаяся на судьбах простых людей, является значимой частью произведений писателя. Воссозданная в личных переживаниях и отдельных происшествиях, военная действительность приобретает ещё большую заострённость и драматичность.

Роман В. Мысливского «Трактат о лущении фасоли» был написан в 2006 году и принёс его автору ряд литературных наград (награда Нике, литературная награда г. Гдыни и др.). К сожалению, несмотря на переводы этого произведения на многие языки мира, в белорусском литературоведении работы о нём отсутствуют. В польской критике оно представлено небольшими статьями и рецензиями таких авторов, как Генрих Береза [2], Тадеуш Блажеевский [3], Зигмунд Зёнтек [10], Ева Пиндур [8]. К наиболее интересным и полезным можно отнести статью Войцех Легензы «Монолог опыта», в которой частично анализируется проблема войны, поднятая Мысливским в «Трактате». Важным источником информации, необходимой для изучения военной проблематики в романе, были интервью самого писателя для различных печатных изданий.

Основная часть. Изначальной идеей романа, как говорил сам Мысливский, был непосредственно акт лущения фасоли, во время которого в прошлые времена в деревне люди говорили не только о разных вещах, придуманных и важных, о текущих делах, но и о Боге, духах, снах, загробном мире.

Роман повествует о том, как поздним вечером к герою приходит таинственный человек, чтобы купить немного фасоли. Фасоль есть, но её надо лущить. Именно это действие, которое умещается в одну ночь, содействует возобновлению воспоминаний героя о своей жизни, высвобождает стихию рассказа.

Приём ретроспекции, благодаря которому временные рамки, показанные в произведении, значительно расширяются, способствует решению многих философских, моральных, этических проблем.

Важное место среди необычайно богатого проблемно тематического поля в «Трактате» занимают воспоминания и рассуждения героя на тему войны. Стоит отметить, что, описывая общественно-исторические преобразования, происходившие в деревне до войны и после неё, В. Мысливский отводит истории как таковой второстепенное место. Несмотря на то, что исторические события не описываются непосредственно, а конкретные даты и места отсутствуют, отчётливо можно проследить влияние этих происшествий на судьбу не только главного героя, но и других персонажей, события находят своё отражение в людях. Так, и события, связанные с трагическими военными реалиями, пропускаются через сознание и душу персонажей, выявляя деформацию их личности. Как отмечает Януш Джевуцкий, «герой В. Мысливского – это прообраз человека XX века, который включает в себя его типичные, посредственные и обыкновенные черты. Несмотря на то, что в романе ни разу не упоминаются такие слова, как Гитлер и Сталин, русские и немцы, фашизм и коммунизм, всё то, чем был XX век в Польше, содержится в этом романе» [4, с. 112–113].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в романе война, показанная в восприятии героя, рассматривается в двух аспектах, а также с учётом эволюции персонажа, что указывает на присутствие в «Трактате» черт романа о становлении личности. Первый тип эволюции связан с возрастными особенностями (показываются этапы взросления героя). Второй указывает на то, как военное время отразилось непосредственно на судьбе героя, какие роли и функции ему пришлось выполнять. Можно сказать, что писатель отображает трагедию войны с позиции жизни большой и малой.

Небывалой мудростью, связанной с многовековым опытом поколений, наполнены простые высказывания героя о войне. В них присутствует осуждение этой трагедии с этической и моральной точки зрения:

«Когда убивают, никто не представляется... На войне всё возможно. Война смешивает, уравнивает, крестьянин или философ – все должны умереть. Тут каждый с каждым может встретиться. Где бы в другом месте могли встретиться крестьянин и философ»¹ [7, с. 77].

«... только после войны оказалось, чем была эта война, каким огромным поражением она была не только для человека, но также и для Бога»² [7, с. 363].

Особого внимания заслуживает в «Трактате о лущении фасоли» показ ужасов войны глазами ребёнка, который чудом уцелел, когда, в момент прихода немцев, мать отправила его за картошкой в погреб, чем спасла ему жизнь. Но факт того, что он один остался живым, спасся, пробуждает в ещё маленьком человеке чувство вины, не покидающее его на протяжении всего жизненного пути. Ещё тогда, когда герой один сидит в темноте, он не хочет, чтобы его нашли, убеждая себя, что ему и так хорошо, что это всего лишь игра в прятки. Он обвиняет себя в том, что после услышанных выстрелов, он не нашёл в себе силы выйти из погреба, а уснул: *«А я вместо того чтобы выскочить и побежать домой, прижался к коленям, прикрыл глаза, прижал уши и так сидел, не слыша и не видя. Скажу Вам, до сегодняшнего дня я не могу понять своего поведения. Не могу себе это простить. Нет, это не страх, как Вы думаете. Страх выпихнул бы меня из ямы. От страха я слышал бы своё сердце, а у меня сердце остановилось. Я даже не чувствовал, чтобы в моих заткнутых ладонями ушах шумело. Я весь онемел»³* [7, с. 222]. В сыром, холодном погребе герой провёл несколько месяцев, питаясь сырыми овощами. Своё воспоминание о нежеланном спасении герой, с позиции прожитых лет, описывает так: *«И не было выбора, я должен был оказаться живым. Услышать над собой почти ангельский голос, когда кажется, что мира уже нет, нету Бога в нём. Это как будто этот голос призывал и мир, и Бога к жизни»⁴* [7, с. 232].

После пережитого герой теряет голос, что, несомненно, является аллегорией. Молчание в данном случае выступает не только как результат психологической травмы, он также является символом внутреннего одиночества и самоуглубления, служит показателем того, что невозможно вербально воспроизвести всё увиденное: *«... я долго-долго не говорил. Обычно, не говорил. Как будто я не умел. Как будто я не знал слов. Я просто был немым»⁵* [7, с. 236]. Уже в старости герой признаётся таинственному гостю, что молчание может быть красноречивее всяких слов: *«Молчание – это тоже голос. И такие же слова. Только, чтобы так сказать, слова, которые потеряли веру в себя»⁶* [7, с. 361].

¹ Здесь и далее фрагменты романа В. Мысливского «Трактат о лущении фасоли» даются в переводе автора статьи – Е. Г. Kiedy się zabija, nikt się nie przedstawia... Na wojnie wszystko jest możliwe. Wojna miesza, zrównuje, chłop czy filozof – wszyscy są do umierania. Tu każdy z każdym może się spotkać. Gdzie by indziej mogli się spotkać chłop i filozof».

² ... dopiero po wojnie okazało się, czym była ta wojna, jak wielką przegraną nie tylko człowieka, także Boga.

³ А я zamiast wyskoczyć i pójść do domu, przykułem się aż do kolan, przymknąłem oczy, przycisnąłem uszy i tak siedziałem, nie słysząc, nie widząc. Powiem panu, do dziś nie mogę swojego zachowania zrozumieć. Nie mogę sobie darować. Nie, to nie strach, jak pan myśli. Strach wypchnąłby mnie z dołu. Ze strachu słyszałyby moje serce, a mnie serce stanęło. Nie czułem, żeby mi nawet w tych zatkanych dłońmi uszach szemrało. Zdrętwiałem cały

⁴ I nie było rady, musiałem okazać się żywy. Usłyszeć nad sobą nieomal anielski głos, gdy wydaje się, że już nie ma świata, nie ma pana na nim, to jak by ten głos powoływał i świat i pana do życia.

⁵ ... długo, długo nie mówiłem. Zwyczajnie nie mówiłem. Jakbym nie umiał. Jakbym nie znał słów. Po prostu byłem niemową.

⁶ Milczenie też głos. I także słowa. Tylko, żeby tak powiedzieć, słowa, które straciły wiarę w siebie.

Признаком того, что человечество не способно вынести никакого урока из трагических событий, имевших место в прошлом, не в состоянии осознать всех последствий, служит образ деда главного героя. Он, являясь участником первой мировой войны, которая во временном отношении находилась не так уж далеко, был ранен в живот, и даже убил троих людей, хотевших лишить его жизни, лица которых до самой своей смерти он отчётливо помнил. Дед постоянно говорил о войнах, которые прочно впились в его действительность: «*Не календари, не святые, а войны служили показателем дедушкиной памяти. Войны были над порами года, а над войнами уже только Бог*»⁷ [7, с. 74]. Воспоминания деда о войне, что знаменательно, происходят именно за лущением фасоли: «*Во всяком случае, о войнах дедушка мог говорить бесконечно. Особенно за лущением фасоли дедушкина память как будто открывалась настежь. Или это войны обладают такой силой, или фасоль, что они способны открыть до самого дна каждую память. Создавалось впечатление, что войны и фасоль любили друг друга*»⁸ [7, с. 79].

Интересным и в то же время полным мудрости является эпизод, когда дедушка и сражавшийся за другую сторону офицер, вместе ели консервы. Объединённые общим чувством голода и тоской по родному дому, простые люди, которым была не нужна эта война и которые зачастую даже не понимали, за что сражаются, сначала просто вместе молча кушали, а потом говорили об обыденном.

В романе можно выделить два типа героев. Первый тип – это герой, с помощью психологии которого автор показал восприятие трагедии и в то же время он «воскрешает» события, в которых участвует герой. Это страшные реалии войны. Второй тип – герой коллективный, воплощённый в различных персонажах, переживших войну, которых рассказчик встречает на своём жизненном пути. Коллективный герой, состоящий из индивидуальных характеристик, – это, по сути, польский народ, представляющий основной слой общества: женщины, дети как жертвы войны и послевоенной действительности, и мужчины, как основные её участники.

Описанный В. Мысливским партизанский отряд, в который попадает герой после спасения, способствует отображению другой стороны войны, когда люди, прятавшиеся в лесах, не только уничтожали фашистских захватчиков, но и представляли ещё одну сторону трагедии. Обыкновенные жители наказывались за совершённые партизанами диверсии: «*Не было дома, в котором они не располагались бы как у себя дома. Иногда их было больше у кого-то, чем домочадцев. ... Так иногда людям они даже надоедали*»⁹ [7, с. 228–229]. Автор описывает партизан как одно целое, не индивидуализируя никого из отряда, кроме молодой сестры.

Соприкосновение женщины с войной раскрыто в образе юной медсестры партизанского отряда, которая погибает в боевом столкновении: «*Молоденькая была, искрящаяся, хотя и в военном плаще, и в фуражке она могла казаться намного старше, чем была на самом деле. Тем более что плащ был велик, а рукава были, вот на столько, подвёрнуты. Фуражка тоже была бы ей велика, если бы не волосы. Только голос указывал, сколько ей может быть лет*»¹⁰ [7, с. 232]. Автор показывает, что война не знает возрастных разграничений, она всех уравнивает. Тяжёлое психологическое состояние сестры описывается со стороны, через восприятие героя-ребёнка. Ужасающим кажется тот факт, что она знает, что умрёт, и единственное, чего она хочет, чтобы кто-то запомнил её: «*Я хочу, чтобы ты меня запомнил. Ты меня помнишь? Скажи, что ты меня помнишь. Ты точно выживешь. Потому что мы... – оборвала. Я посмотрел на неё. Я думал, что мне кажется, но нет, по её щекам текли слёзы*»¹¹ [7, с. 242]. Сестра заботливо ухаживает не только за маленьким мальчиком, которого спасла, но и за ранеными партизанами, которые, несмотря на то, что были благодарны ей, не скрывая своих физиологических потребностей, подглядывали, когда она моется.

Совсем в ином ракурсе представлен образ лесничей, муж которой погиб не потому, что участвовал в войне, а из-за глупой случайности. Одинокая, лишившаяся помощи, она заботится о раненном герое-ребёнке: «*Не однократно она говорила, что Бог её меня послал, потому что как бы она сама справлялась, если его уже нет. Она имела в виду лесничего. А на шкафу в комнате лежала шляпа лесничего*»¹² [7, с. 297].

⁷ Nie kalendarze, nie święci, lecz wojny układały dziadka pamięć. Wojny były ponad porami roku, a nad wojnami już tylko Bóg.

⁸ W każdym razie o wojnach mógł dziadek bez końca. A już zwłaszcza gdy łuskało się fasolę, pamięć dziadka jakby się na oścież otwierała. Czy to w wojnach jest taka siła, czy w fasoli, że otworzą aż do dna każdą pamięć. Miało się wręcz wrażenie, jakby wojny lubiły się z fasolą.

⁹ Nie było domu, gdzie by się nie rozgościli. Nieraz więcej ich u kogoś było niż domowników. ... Tak że czasem ludzie mieli ich już dość.

¹⁰ Młodziutka była, jaśniuteńka, chociaż w wojskowym płaszczu, w furazerce mogła wydawać się dużo starsza, niż była. Tym bardziej, że płaszcz był dużo za duży na nią, a rękawy miała, o, z tyle podwinięte, furazerka też pewnie była za duża, gdyby nie włosy. Głos jedynie wskazywał, ile może mieć lat.

¹¹ Chcę, żebyś mnie zapamiętał. Zapamiętasz mnie? Powiedz, że mnie zapamiętasz. Ty na pewno przeżyjesz. Bo my... – urwała. Spojrzałem na nią. Myślałem, że mi się wydaje, ale nie, po jej policzkach płynęły łzy.

¹² Nieraz mówiła, że Bóg jej mnie zesłał, bo jak by sobie dała sama radę, gdy jego już nie ma. Miała na myśli leśniczego. A na szafie w pokoju leżał kapelusz leśniczego.

Особую группу персонажей составляют выходцы из интеллигенции. Эти герои самые таинственные, а в их судьбе много непонятого. К ним можно отнести учителя музыки в военной школе, который спился с горя, однако многие эпизоды указывают на его музыкальный талант. Как творческая личность он просто не может смириться с трагедией и старается спиртным «залить» все воспоминания.

Образ заведующего складом на одной из строительных площадок, где работал герой, показывает, насколько может измениться человек. Именно от него молодой ещё герой получает свой первый собственный инструмент, о котором уже давно мечтал и на который откладывал деньги. Именно кладовщик учит его настоящей игре, когда музыка выражает чувства.

Образ продавца в магазине шляп, который играет на виолончели, чтобы отвлечься: *«Когда слова напрасны, мысли напрасны, а воображения уже не хочется вообразить, только музыка есть для этого мира. Ещё только музыка для этого мира, для этой жизни»*¹³ [7, с. 297].

Стоит отметить, вслед за Легензой, что момент пребывания героя в милитаризированной школе, уже относящийся к послевоенному периоду, указывает на искажение личностного восприятия. Мысливский описывает психологию толпы, управляемую другими. Повествование в данном эпизоде изменяет свою форму с «я» на «мы». Слияние с толпой уничтожает во взгляде на окружающий мир оттенок индивидуальности. Военная школа является опытом жестокости войны, который перенесён в детское сознание. Эпизод бунта, возникшего из-за нежелания мириться с постоянным отсутствием света в бараке, выступает символом предостережения, напоминающим о том, что восприятие детей, воспитанных в военное время, искажено. Жестокость войны не только перенесена в несформировавшееся детское сознание, но она прочно в нём укоренилась. Дети жаждут расправы и им совершенно безразлично, кто станет их жертвой и ответит за все их страдания. В своём антигуманном стремлении, они превращаются в неконтролируемую массу, которой боятся противостоять даже взрослые.

Рассказ незнакомого мужчины об отце, вернувшемся с войны совершенно другим человеком, служит показателем того, что война приносила боль не только людям, непосредственно участвовавшим в ней, но и их семьям.

На примере музыкальных инструментов в военной школе в аллегорическом плане продемонстрировано то, как мировая трагедия отразилась на человеческих судьбах. Инструменты показаны изуродованными, так же как и люди, вернувшиеся с войны полностью искалеченными и физически, и морально; а многие не вернулись вовсе. И всё же кто-то нашёл в себе силы жить с этой невероятной ношей в своей душе. Говоря о музыкальных инструментах, писатель подчёркивает значимость аллегорического фактора: *«Изогнутые, потрескавшиеся, расстроенные, с дырками от пуль, осколков, они как будто тоже участвовали в войне. Но были и почти хорошие или, по крайней мере, такие, в которых достаточно было что-то приварить, подкрутить или от двух, трёх взять и приспособить к одному, с того на этот переложить мундштук и можно было играть»*¹⁴ [7, с. 87].

Проблема памяти, которая, по утверждению самого автора, является одной из основополагающих в крестьянской культуре, тесно связана с проблемой войны. Данная тема находит своё отражение в образе главного героя, бережно ухаживающего за могилами на местном кладбище. Он ежегодно обновляет таблички односельчан, сожжённых во время прихода немцев. «Сторожем могил, вернувшимся на место поражения, место, где зверски были уничтожены все люди, которых он знал» называет его В. Лигенза. Согласно размышлениям автора, память «была единственной возможностью сохранения, передачи и наследования ценностей этой культуры. Она должна была быть неслышанно развёрнутой и неправдоподобно работоспособной. Чувствительная к самым незначительным деталям жизни и к каждому слову. Память укореняла человека, подтверждала его место на земле, наделяла смыслом даже самую безнадежную жизнь и субъективную действительность, личностное измерение» [5, с. 57]. Трагедия исторической памяти заключается в том, что война не стала историей, физические раны заживали, а душевные оставались неизлечимыми, «кровоточащими», напоминая о пережитой трагедии.

В «Трактате» В. Мысливский показывает героя в двойном временном измерении: документально точном, проявившемся в воспоминаниях о прошлом; второе измерение связано с влиянием трагического прошлого (войны) на его послевоенную жизнь. Поэтому герой-повествователь выступает и в индивидуальном проявлении, с неповторимой психикой, и как один из многих, представляющих одно из проявлений коллективного героя.

Заключение. Подводя итог проведенному исследованию, можно заключить, что В. Мысливский изображает ужасающую военную действительность многопланово: с учётом не только мужской и женской, но и детской психологии. Последствия войны анализируются героем на различных этапах его жиз-

¹³ Gdy słowa już daremne, myśli daremne, a wyobraźni nie chcę się już wyobrażać, jeszcze tylko muzyka. Jeszcze tylko muzyka na ten świat, na to życie.

¹⁴ Pogięte, potrzaskane, pozrywane, z dziurami od kul, odłamków, jakby też brały udział w wojnie. Ale były i całkiem dobre czy przynajmniej takie, że wystarczyło coś tam zaspawać, podkleić czy z dwóch, trzech zabrać i do jednego przypasować, z tego na ten przelożyć ustnik i można było grać.

ненного пути, от детства, которое было опалено войной, до старости, когда персонаж способен взглянуть на происходившее с высоты опыта прожитых лет. Мысливский показывает в «Трактате о лущении фасоли» эволюцию темы войны. В романе описываются, как и сами события непосредственно, так и происходит их философское осмысление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусиенко, С.Ф. Жанрово-стилевые искания в современной польской прозе (конец 50-х – середина 60-х гг.) / С.Ф. Мусиенко. – Гродно, 1971. – 355 с.
2. Bereza, H. Spełnienie / H. Bereza // Sposób myślenia o prozie polskiej. – Warszawa, 1989. – S. 382–395.
3. Błażejowski, T. Samowiedza kulturowa / T. Błażejowski // Literatura jak literatura: szkice i notatki. – Łódź, 1987. – S. 151–171.
4. Drzewucki, J. Każdy z nas jest powieścią / J. Drzewucki // Twórczość. – 2000. – № 7. – S. 111–117.
5. Ligęza, W. Monolog doświadczenia (O powieści Wiesława Myśliwskiego “Traktat o łuskaniu fasoli”) / W. Ligęza // Akcent. – 2006. – № 4. – S. 117–128.
6. Myśliwski W. Kres kultury chłopskiej / W. Myśliwski // Twórczość. – 2004. – № 4. – S. 53–61.
7. Myśliwski, W. Traktat o łuskaniu fasoli / W. Myśliwski. – Kraków, 2007. – 398 s.
8. Pindór, E. Proza Wiesława Myśliwskiego / E. Pindór. – Katowice: Uniwersytet Śląski, 1989. – 106 s.
9. Rudnicki, J. List z Hamburga (42): Myśliwski forever / J. Rudnicki // Twórczość. – 2007. – № 1. – S. 91–94.
10. Ziątek, Z. Głód syntezy / Z. Ziątek // Sporne postaci polskiej literatury współczesnej: następne pokolenie. – Warszawa, 1995. – S. 151–168.

Поступила 16.06.2014

WAR AND THE PROBLEM OF DEFORMATION OF PERSONALITY AND PEACE IN THE NOVEL OF WIESŁAW MYŚLIWSKI “A TREATISE ON SHELLING BEANS”

H. GUK

This article considers the problem of deformation of the personality and the world in the novel of W. Myśliwski “A Treatise on Shelling Beans”. The problem of war is one of the main in the oeuvre of writer. Unusual display of military reality and consequences of the postwar period is subjected to deep analysis. In his works, W. Myśliwski not directly displays historical events. Using refracting of the world through the personal experiences of the characters, the author does not lose the epic breadth of the representation of reality, and enriches it greatly. The purpose of this article is a comprehensive and integrated analysis of military issues in the novel of W. Myśliwski “A Treatise on Shelling Beans”, which is unknown to the Belarusian reader. Scientific novelty lies in the fact that the article considers the work, which is unique not only for Polish literature but also for world literature.